

Грузинская советская историческая романистика, связанная с именами М. Джавахишвили, Ш. Дадиани, К. Гамсахурдиа, Г. Абашидзе и других мастеров, в последние годы обогатилась новыми тенденциями, нашедшими отражение в романах О. Чиладзе и Ч. Амирэджоби, а которыми познакомился и всеобщий читатель.

Чем же обусловлен этот интерес к прошлому? Какие уроки оно преподает нам?

Богатый материал для того, чтобы попытаться ответить хотя бы частично на эти вопросы, может дать роман Чабуа Амирэджоби «Дата Туташиа», опубликованный в русском переводе сначала в журнале «Дружба народов», а потом изданный отдельной книгой. И, наконец, ставший достоянием огромной аудитории благодаря многосериальному фильму «Берега», демонстрировавшемуся по Центральному телевидению.

Широкое эпическое полотно Ч. Амирэджоби не претендует на строгую документальность в изображении исторического рубежа XIX и XX столетий. Тем не менее в нем представлена масштабная, многосторонняя картина грузинского общества того времени. Роман воссоздает противоборство социальных сил в эпоху нарастания революционной ситуации и рисует образ человека, постепенно становящегося легендой.

Роман «Дата Туташиа» и фильм «Берега» вызвали огромную почту. По просьбе редакции наш корреспондент в Грузии Э. Елигулашвили ознакомился с почтой писателя и задал ему несколько вопросов.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ. «У такого человека, как Дата Туташиа, мы можем и, конечно, должны учиться добру!» — написал вам челябинец А. Валеев. Его письмо — одно из сотен... Письмо к вам, очевидно, просто физически не в состоянии, я попробую стать своего рода посредником между вами и авторами писем и потому не ограничусь в этой беседе какой-то одной проблемой, как это обычно бывает в материалах, публикуемых «ЛГ» под рубрикой «Чип».

Меня в прочитанных письмах, адресованных вам, привлекла в первую очередь одна объединяющая их черта: страстное стремление к утверждению нравственных принципов, осознанное желание обрести в произведении искусства — будь то роман или фильм — этический эталон, образец для подражания. Как мне кажется, здесь все ваши корреспонденты сходятся. В Дате Туташиа они единодушно признают ГЕРОЯ, человека исключительных нравственных качеств, мыслителя и деятеля, способного повести за собой массы, увлечь силой собственного примера.

«Я имею сына и дочь и

Гудом, Дубровским. Правы, наверно, и те, кто устанавливает родство Даты и Дон Кихота, хотя ваш герой видит окружающую его действительность достаточно трезво, мучается ее противоречиями, так или иначе сказывающимися на его собственной жизни, так и в жизни других людей. Думается, читателя привлечет не только рыцарский склад характера Даты Туташиа, но и его эпическая масштабность, которая в то же время позволила вам поднять в романе широкие социальные пласты, показать жизнь самых различных слоев населения тогдашней Грузии, осмыслить опыт российской истории.

Ч. А. Характер Даты Туташиа был задуман мной как развивающийся, получилось ли это — судить не мне. Сегодняшнего читателя, умного, тонкого, сведущего ценителя литературы, как мне кажется, вряд ли удовлетворила бы личность одномерная, эмблематичная, какой бы масштабной она ни была. Дата

формировать повествование в кинодействии, а о присущем ему свойстве, развитием и возведенном в новое качество полувекровым активным воздействием на него искусства кино. Любопытно, что в части отзывов на роман «Дата Туташиа» проявилась склонность создавать «собственный фильм» еще до того, как по

в расчете на последующую экранизацию. В художественной прозе всегда присутствуют элементы других искусств — того же кино, например, или музыки. Главное, чтобы они органично входили в повествование. Так в «многослойности» романа «Дата Туташиа» сказались присущий грузинскому искусству средних веков принцип полифонизма, особенно характерный для музыкальной культуры Грузии.

Конечно, кинематограф оказал и оказывает значительное влияние на многих современных прозаиков. Есть авторы, прямо пишущие «под кинематограф». Я не принадлежу к сторонникам той точки зрения, что это отрицательно сказывается на развитии прозы. В советской литературе сейчас есть ряд интересных прозаиков — например, В. Тендря-

Чабуа АМИРЭДЖОБИ

«БУДЬ МОИМ

БРАТОМ, ДАТА!»

очень хочу, чтобы сын мой походил характером на Дату» (Лариса Мехтиева, Баку).

«Очень счастлива, что встретилась с Датой, который мне и моим друзьям поможет быть чище и жить интереснее» (Ф. Попова, Сызрань).

«Не знаю, был ли такой герой или это взято от многих людей вашего народа, но все, что он делает и говорит, внушает большую любовь, уважение к нему лично и его народу» (тов. Моисейченко, Кременчуг).

Как вы думаете, в чем причина столь восторженного отношения к самому типу литературного героя?

Чабуа АМИРЭДЖОБИ. На мой взгляд, мы имеем здесь дело с явлением нравственного поиска, столь характерного для советских людей, особенно в наше время. Споры, развернувшиеся вокруг «делового» человека, проблема положительного героя и «антигероя», по сути, являются отражением именно этого поиска.

Основным показателем нравственности человека и общества я считаю способность к сотворению добра и очень рад, что у меня оказалось столько союзников в лице читателей и зрителей. В конечном счете, разве не главный критерий для оценки уровня духовного развития того или иного народа и общества — качество и степень их гуманности, а гуманность не что иное, как активное добротворчество?

Читатели спрашивают, что послужило причиной моего обращения к истории, были ли у героев романа прототипы? Вопрос, наверное, не случайный. В самом деле, первые мои произведения были посвящены современности. Но к истории, к прошлому меня подтолкнули не прототипы, которых у моих героев нет, а проблема нравственности. Эпоха конца XIX — начала XX века, насыщенная острыми социальными и духовными коллизиями, давала, как я интуитивно почувствовал, возможность поставить эту проблему более объемно, более полифонически, что ли, резко высветить отдельные ее грани. Кто-то точно заметил: искусство начинается с нравственности. Для меня это было именно так.

Мой роман только условно может быть назван историческим, хотя я стремился к достоверности, к сохранению социальных, психологических и бытовых примет времени.

Мне кажется, Дата Туташиа привлек к себе сердца читателей именно тем, что он — боец, защитник, одержимый стремлением сделать этот мир лучше, чище, светлее.

Э. Е. Многие читатели сравнивают Дату Туташиа с Вильгельмом Теллем, Робин

живет по принципу: все на свете — мое дело. На этом пути ему суждены не только радости побед, но и горькие разочарования. От этого меняются его взгляды на мир, на людей, изменяется его позиция. Кроме того, Дата Туташиа знает: чтобы победить зло, надо прежде всего победить все низкое в самом себе. Я думаю, именно эти поиски правды — социальной и нравственной, исключающая компромиссы борьба, драматическое становление характера на путях общественного и духовного самоопределения могли затронуть читателя.

Дата Туташиа понимает: надо творить добро, направленное на служение народу, не ожидая немедленной благодарности. Это — высшее назначение человека, и только оно может считаться нравственным оправданием его жизни. Убежден, что добро можно считать одним из видов энергии, которая не исчезает. Именно на нем основывается единство исторического процесса. Можно быть уверенным: посеянное зерно — не важно, через какое время, — непременно даст росток, взойдет, начнет плодоносить.

Э. Е. Вы являетесь автором сценария фильма «Берега», поставленного по роману. Фильм этот вызвал большую почту. Заметили ли вы разницу в письмах тех, кто откликнулся на роман, и тех, кто писал о фильме?

Ч. А. Я думаю, проза, любые описания действия, портрет, пейзаж трансформируются читателями в зрительные образы, так сказать, в собственный фильм. Книга как бы провоцирует на это, в самой себе неся архитектуру кинодействия, что характерно даже для древних литератур. На эту особенность прозы, как известно, не раз обращал внимание своих учеников С. Эйзенштейн, предлагая студентам в качестве одного из образцов киноязыка отрывки из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. Словом, путь от устного или письменного повествования к построению пластических, зрительных образов проложен человеческой психикой не только в дотелевизионные и докинематографические, но даже, можно сказать, в долитературные времена. Так что справедливо будет говорить не просто о способности человека транс-

телевидению были показаны «Берега».

На что я обратил внимание в присланных мне письмах? Читатель художественной литературы — все-таки в большей или меньшей степени соучастник творческого процесса. Он вынужден домысливать все то, что предложено ему автором. Кинематограф же многое, если не все, дает в готовом виде. И это делает зрителя в гораздо большей мере потребителем, если можно так выразиться, тогда как читатель — почти всегда соавтор. Это отражается на восприятии произведений кино и литературы, их оценках.

Э. Е. Нужно сказать, что мнения некоторых ваших корреспондентов в вопросе о «кинематографичности» романа «Дата Туташиа» расходятся. Одни полагают, что только литературная форма, а именно жанр романа, могла вместить в себя столь сложное по своей философской, нравственной, социальной проблематике, многослойное содержание. Читатели указывают на то, что очень важную роль в романе играют ГОЛОСА персонажей, повествование не только о главном герое, но и дающие представление о различных национальных характерах и социальных типах; кроме того, сам Дата Туташиа, его образ преломляется в индивидуальном сознании каждого из персонажей, и это делает наше видение главного героя и окружающего его мира более объемным. В фильме эта объемность, по мнению авторов писем, исчезает, изображение становится более плоскостным (письма Ф. Варенцова из гор. Фрунзе, М. и Н. Калашниковых из гор. Николаева и др.). Другие полагают, что, напротив, роман как будто специально написан для кинематографа — побег, преследования, провокации, расправы, жандармские допросы, философские споры, пиры... Недаром же критика поначалу была расположена признать роман «авантюрно-плутовским», «детективным». Как вы смотрите на это?

Ч. А. Вопрос довольно сложный, и решать его мне пришлось еще тогда, когда я приступал к созданию сценария. Полагаю, что доля истины есть и в том, и в другом суждении читателей. Действительно, облепять серьезные социальные, философские раздумья, рассуждения, тонкие, многоступенчатые переходы мысли в зримую плоть очень трудно, и многим приходилось поступаться. Но, с другой стороны, в «Дате Туташиа» немало глав и эпизодов, прямо пригодных для киносценария, иные же требовали лишь незначительной переработки. Это не значит, что роман создавался

ков, Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, Р. Ибрагимбеков, Анар, — которые, как мне кажется, сознательно либо бессознательно учитывают и претворяют в своих произведениях опыт киноискусства. Впрочем, не только они. Не учитывать сегодня этот опыт, на мой взгляд, невозможно. Но важно помнить и другое: фильм — вполне самостоятельное произведение киноискусства, и оценивать его необходимо безотносительно к роману.

Что же касается «авантюрной» линии, то мне кажется, что элементы детектива нисколько не противопоставлены самому серьезному произведению. Все зависит от того, какое место они в нем занимают. Если это не цель, а только средство, художественный прием обострения конфликта, направленный на то, чтобы характеры персонажей выявились как можно полнее, чтобы действие захватило читателя, у которого сегодня так мало свободного времени (а в литературе к тому же достаточно соперников в лице других популярных видов искусства), то наличие детективных моментов оправдано. Главное, чтобы они не заслоняли, не отодвигали на второй план социальную, философскую, этическую проблематику. За примерами, думаю, далеко ходить не надо. Никто не скажет, что введение детективных перипетий в сюжетную структуру романов Достоевского повредило их содержанию, ослабило их интеллектуальный потенциал и социально-критический пафос. А вот нашей сегодняшней прозе как раз недостает иногда сюжетной динамики, остроты конфликта. В этом случае она вступает в противоречие с особенностями времени, предъявляющей литературе свои требования — не только по части содержания, но и по части формы. Книга, чтобы привлечь читателя, должна быть интересна, увлекательна, и в этом нет ничего зазорного. Но я хочу вернуться к уже высказанной мной мысли — искусство начинается с нравственности. Его оно живет. И произведение, чтобы стать по-настоящему значительным, должно быть глубоко гуманистичным по своей сути, одухотворенным верой в победу человеческой совести, разума и благородства. Верой в победу добра в торжество наших идеалов.